

Сказка про
КРАСНОГО
спелеолога

– Ну, хорошо, – сказал Ване пиратский партизан разведчик, присаживаясь на край кровати. – Тогда слушай. Только внимательно и не перебивай.

Случилось это уже после революции. Как-то, по наущению недобитых белых, стреляла Фанни Каплан в вождя красных. Того самого, которого все знали как Ленина, но на самом деле он был Надиным, хотя по паспорту был Ульяновым, а люди его звали Ильич. Это он всё сам специально так придумал, ещё когда на пеньке сидел и молоком писал, чтоб всех запутать, для конспирации.

Так вот. Хотела она его убить, но не попала, и потому только ранила. Но поскольку пуля была ядовитой, заболел всё-таки вождь. А ещё злые языки говорят, что будто бы сердце у него было каменным, от того пуля и срикошетила. Но не суть важно. Поселили тогда красные своего раненого вождя в реквизированной у белых усадьбе Горки, чтобы он поправлял там свое здоровье, много работал, играл в городки и ходил в лес на охоту. А сами приставили к нему кашеварить Путина и посадили в кустах ЧК чтоб оно охраняло.

Опечалились недобитые белые, собрались они вместе и стали держать совет, как им вождя красных извести, да со свету сжить.

– Недалеко от этой усадьбы, – сказал самый белый и недобитый, – находятся Сьяновские каменоломни. Старики сказывают, живёт там Белый спелеолог. Надо нам туда пойти и поговорить с ним. Скажем ему: «Мы – белые и ты – белый, нам, белым, надо вместе держаться, мы, белые, должны помогать друг другу. Помоги нам красного вождя извести!»

Долго ли коротко ли, а прокрались как-то белые мимо красных в Сьяновские каменоломни. Поплутали денек-другой под землей, нашли там наконец-то белого спелеолога и говорят ему:

– Вот, мы – белые и ты – белый. Нам, белым, надо держаться друг друга. Помоги нам, белым, вождя красных извести.

– Труднова это будет сделать, – говорит Белый спелеолог. – Не сдюжу я сам-то, но есть у меня одна думка. Надо вам поговорить с Эвой Дзуликой. Она, правда, баба с характером, одних вас, боюсь, даже слушать не станет, ибо нервная очень. Младший брат когда-то у неё потерялся тут, вот и ходит с тех пор, и ищет его везде. Бывалыча, встретит кого, глядь, а это не он! Распереживается и ну давай кричать! И от этого её крика задрожат стены, посыплются камни и обрушатся прямо на головы своды. Нет, пойдёмте-ка лучше к ней все вместе, и я сам с ней поговорю. Мне-то всё равно, меня-то

она знает, авось послушает и всё обойдётся. Пошлите, может она вам чем и поможет.

Испугались было белые, страшно с таким провожатым, да делать-то нечего. Пошли они с Белым спелеологом искать эту Двуликую. Долго ли коротко ли, пришли белые с Белым спелеологом к Эве. Увидела она их, разгневалась и стала в лице меняться. А я надеюсь, ты помнишь, что у Эвы Двуликой есть два лица, как у Оле Лукойе два зонтика, одно красивое и молодое для хороших мальчиков, а другое старое и страшное для плохих.

– Да, я помню, я видел, – поежился Ванька со страхом.

– Повезло тебе, – подытожил пиратский партизан разведчик и продолжил рассказ.

– Стой! Стой! – замахал руками Белый спелеолог – Погоди, не губи, дай сперва людям слово молвить. Или ты не видишь, что они, как и я, тоже белые?

– Это твои родственники, что ли? – спрашивает Эва.

– Да нет, просто масть такая. – отвечает тот.

– Ладно, – говорит Эва Двулика, – пусть говорят, что хотят, но только побыстрее, а то что-то сегодня раздражена больно.

– Да вот, – говорят белые, – живёт тут недалеко вождь красных, которого все зовут Лениным, а на самом деле он Надин, надо нам его известить. Помоги нам, Двулика!

– Ну, вам надо, так вы и изводите, – резонно замечает Эва. – Я-то тут причём? Какой мой интерес?

Смотрят друг на друга беляки и не знают, что ответить, что посулить, чем потрафить. Вышел тогда вперед Белый спелеолог и говорит:

– Помоги им, Эва, а они тогда помогут тебе брата сыскать. Вон их сколько пришло, разбредутся по системе и враз его отыщут.

Сказал так, и смотрит на белых. А те переглянулись между собой, да что тут решать? Делать нечего. И только согласно головами закивали. Мол да-да, конечно-конечно, непременно отыщем.

– Ладно, – сказала Эва, – раз вы мне поможете, то и я вам тогда помогу. Приведу вам вождя красных, а там уже, как захотите, сами его изведёте. Потому, как не женское это дело красных вождей изводить. Да к тому же, чую я, заговоренный он.

– Хорошо-хорошо, – сказали белые, опять головами закивали и разбрелись по системе,

искать её пропавшего братика.

Обернулась тогда Эва молодой и красивой, приделась, глаза накрашила, волосы распустила и пошла бродить по лесу.

Вождь в тот момент как раз недалече здоровье поправлял, с собачкой на птичек охотился. Почуяла собачка Эву, зарычала, залаяла. Тревожно тут стало вождю, переломил он свою двустволочку, да и перезарядил жакан в полчок.

«Вот теперь, – думает, – и погляжу, что там за зверь. Может, кабан какой или лось?»

Волков-то, понятно, к тому моменту чекисты в округе всех уже из наганов поперестреляли. Прижался вождь плечом к прикладу, цевье облапил, стволом водит, в прицел щурится и вдруг видит прекрасную девушку ослепительной красоты! Стоит она, облокотясь на березку белую, распустила волосы русые, а у самой глаза горят, под рубашкою грудь колыхается (размер третий, не меньше) и подол до бедра надорван. Смотрит она на него, улыбается, и рукой на себя манит.

«Что за диво дивное? – думает он. – И куда это только ЧК запропастилось? Кобеля на неё приспустить что ли?»

– Не стреляй в меня Ильич-царевич! – говорит красна девица. – Я тебе еще пригожусь!

Опустил вождь ружьё. Заулыбался.

– Ну, какой я тебе царевич, лапушка? – спрашивает он. – Нет у нас больше царевичей! – говорит.

Сказал так, и снова прищурился, а у самого глаза такие добрые-добрые. Ну, что тут поделывать? Пропадай, охота! Перекинул он ружьишко через плечо, повернулся к ней спиной, махнул рукой с досады, да и зашагал себе прочь, через лес восвосяи. Не поддался, в общем, вождь на её обольщения.

Долго ли коротко ли, снова вождь пошел на охоту, тут уж и ЧК за ним увязалось. Обернулась Эва на этот раз дряхлой старухой. Взяла клюку, корзинку, сгорбилась и поплелась по тропинке ему навстречу. Вновь почуяла её собачка, зарычала, залаяла, перед Лениным прыгает, вперед не пускает. Стало тревожно на сердце вождю. Переломил он опять ружьишко, перезарядил жакан в полчок, прижался плечом к прикладу, цевье облапил, стволом вокруг себя водит, в прицел щурится и вдруг видит на мушке старушку - божий одуванчик. Та идёт, кряхтит, клюкой стучит. Опустил вождь ружьё.

– Здравствуй, мил человек! – говорит она ему.

– И вам не хворать! – отвечает Ильич. А глаза у самого такие добрые-добрые.

– Помоги мне до дома добраться, – просит его старушка, – а то совсем я стара стала, совсем ноженьки не идут.

– Помочь? – говорит вождь, – отчего же не помочь?

Свистнул он, гикнул, в ладони хлопнул, выскочили из-за деревьев добры молодцы, взяли бабушку под белы ручки и отвели её куда следовала.

В третий раз собрался вождь на охоту. А собачка скулит, воет, за штаны его тащит, никуда со двора не пускает. Осерчал тогда Ильич на собачку, да и посадил её на цепь.

– Пойду, – говорит, – без собачки охотиться. Больно мне была нужна эта собачка!

Так рассердился, что даже ЧК дома оставил. Взял только свое ружьё и пошел один бродить по лесу.

Долго ли коротко ли, выходит он на какую-то прогалину. Глядь, а посреди полянки в красной косынке, да чёрной кожанке сидит на пеньке баба с маузером. Сидит себе, кобуру поглаживает, да Каутского читает. Стало вождю любопытно.

– Здравствуйте, – говорит он ей.

– И вам не хворать, – отвечает она.

– А что это вы, матушка, ренегата Каутского читайте?

– А это, – говорит она, – прочла я вчера вашу статью, а теперь расширяю свой кругозор. Так-то обычно я Маркса читаю, ну, или Энгельса.

– Ммм, как интересно! – говорит Ильич. – А что конкретно, если не секрет?

– От чего же секрет? «Капитал» читаю. Вот так вот днём читаю, а по вечерам конспектирую, – говорит женщина. – Есть у меня дома одно раннее издание с пометками автора. Не хотите ли взглянуть?

– Было бы весьма любопытно, – отвечает он.

– Ну, так в чём же дело? Пойдемте, – говорит она. – У меня ещё и подписка «Правды» за прошлый год есть.

– Если не обременю...

– Да что вы, что вы! Буду только рада! Могу ещё и морковным чаем угостить! С утра заваривала, недопитый остался. Пойдемте, пойдемте! Тут недалеко!

Поверил вождь Эве, да и пошел за нею вслед. Уж больно ему захотелось увидеть редкое издание «Капитала» с пометками автора. Долго ли коротко ли, а только вышли они через лес в чисто поле. Смотрит вождь, а прямо посреди того широкого поля огромная-преогромная яма, а прямо по склону той ямы ступеньки – вниз уходят, в земле кем-то выбиты. Стали они по этим ступенькам в ту яму спускаться. Тревожно тут стало вождю.

– А, что это мы в яму спускаемся? – спрашивает Ленин, – Где же ваш дом?

– А это и есть мой дом, – говорит ему дама в черной кожанке. – Это раньше, при царе, мы из камня дома снизу вверх на земле строили, а теперь свобода, теперь мы их сверху вниз под землей роём. Сверху вниз-то оно же завсегда легче чем снизу вверх! Вот так вот роешь себе дом и сразу тут тебе и стены, и потолок есть, и зимою не холодно и летом не жарко, сплошная экономия.

– Ммм... как интересно! – говорит Ленин. – Надо ваш передовой опыт товарищам на заводах передать!

– Ну, не знаю, как там на заводах, – отвечает ему Эва, – а вот шахтеры уже давно роют. Приближают, так сказать, светлое завтра.

– Это всё потому, – говорит Ильич, – что шахтеры это передовой отряд пролетариата!

Вот так вот за разговорами и заманила Эва вождя к себе в подземелье. Наскочили там на него беляки и ну давай убивать его саблями и пистолетами. А он и вправду видно заговорённый! И сабли от него отскакивают, и пули об него только плющатся. Бились с ним бились, мучились с ним мучились недобитые белые, а потом так решили между собой:

– Ладно, раз мы не можем его тут убить навсегда, надо нам его схоронить здесь навеки.

Схватили они вождя, спеленали его по рукам и ногам шелковыми саванами, сковали серебряными обручами и положили его в кристальный гроб, а гроб тот унесли в самый-самый дальний-дальний конец пещеры и там, в самом-самом темном-темном гроте повесили его на золотых цепях, а цепи те прибили к стенам платиновыми гвоздями.

В тот же вечер кинулись красные искать своего вождя. День искали, два искали, три. Все леса обегали, все болота облазили, а нету его нигде! Путин уже и компот приготовил, и вареники сварил. Что же им теперь делать? Не выбрасывать же народное добро! А хуже того, вот придут к ним ходоки, например, и спросят у них:

– Где наш Ильич?

А им и ответить-то нечего. Думали они думали, и так порешили:

- Скажем людям, что умер Вождь! Раз такое дело. А сами слепим куклу из воска и

хлебного мякиша, да и похороним её на Красной площади в мавзолее, как будто бы это он и есть.

Как порешили они, так и сделали. Слепили куклу из воска и хлебного мякиша, построили мавзолей по проекту архитектора Щусева, да и похоронили её вместо вождя.

Поверили им простые люди. Ходят теперь к Кремлевской стене, носят венки и цветы, а сами даже не знают того, что Ленин в Мавзолее ненастоящий! Только с тех самых пор, говорят, стали люди слышать под землёю, в каменоломнях, тихий-тихий стук. Так, как будто кто-то где-то камушком о камушек постукивает. Громко об этом не говорят, но слышавшие шепотом рассказывают, что, мол, бьется это где-то в глубине подземелья каменное сердце красного спелеолога! Мол, лежит он, спелёнутый шёлковым саваном, да скованный серебряными обручами по рукам и ногам в кристальном гробу, в самом-самом дальнем углу самого дальнего подземелья. Многие, говорят, его искали, а некоторые даже сгнули, но так до сих пор никто и не нашел. Но если, мол, кто-то найдет его, гвозди из породы вырвет, да цепи те разорвет, кристалл разобьет, да освободит вождя, и восстанет тогда вождь из гроба, победит всех белых на свете и настанет на всей Земле коммунизм.

– А коммунизм это как? – спросил Ваня.

– А это когда от каждого по способностям и каждому по потребностям, – пояснил пиратский партизан разведчик. – Вот, например, получил ты двойку за контрольную по математике, а тебя в парк ведут на аттракционах кататься и мороженое тебе покупают.

– Здорово! – говорит Ванька.

– А то! – согласился пиратский партизан – Люди же не дураки!